

щюгова. Адметная рыса гэтай працы — шырокая экстралінгвістычная інфармацыя, што дазваляе ўстанавіць дынаміку семантычных з'яў, змяненне значэнняў лексем у адпаведнасці са зменай паняццяў.

Заслугоўвае ўвагі артыкул П. С. Будзько. Аўтар упершыню робіць спробу тыпалагічнага аналізу беларускіх і нямецкіх састаўных айконімаў. Аналіз вядзецца як з пункту погляду структуры, так і семантыкі кампанентаў айконімаў: выдзяляюцца тоесныя апорныя апелятывы, дзе пераважаюць два тыпы субстантываў — назвы рэльефа і флоры, а таксама назвы зямельных участкаў, тыпаў пасялення.

Каштоўнасць артыкула М. Кандрашка ў тым, што тут звяртаецца ўвага на спецыфічныя множналікавыя айконімы літоўскага паходжання на Беларускае. Матэрыял суправаджаецца разнастайнымі тлумачэннямі, этымалогіяй назваў, гістарычнымі данымі аб канкрэтных вёсках. Значную колькасць гідронімаў басейна Заходняга Буга апісваюць Л. В. Бараўкова і Н. Я. Кулага.

У кантэксце даследаванняў па анамастыцы актуальнымі сталі пытанні лексіка-семантычнай матывацыі тапонімаў. У гэтым аспекце праведзена работа Н. У. Васілюк. На матэрыяле мікратапонімаў паўднёва-заходняй часткі Брэстчыны аналізуецца сувязі з лексічнай сістэмай мясцовага дыялекту. Г. В. Месько, даследуючы групу заонімаў, выяўляе матывавальныя прыметы, пакладзеныя ў аснову намінацый гэтай групы онімаў. Цікавая тэарэтычная інтэрпрэтацыя назваў адгідранімічнага паходжання польскага даследчыка Б. Чопэка.

Рэцэнзуюмы зборнік дазваляе вылучыць некаторыя тэндэнцыі сучасных анамастычных даследаванняў на тэрыторыі Беларусі. Яшчэ далёка не поўнасцю сабраны матэрыял, як антрапанімічны, так і тапанімічны. Актуальным становіцца вывучэнне лексіка-семантычнай матывацыі онімаў, выяўленне іх структурных асаблівасцей, «механізмаў» пераходу агульных імёнаў ва ўласныя. Артыкулы зборніка сведчаць аб важнасці экстралінгвістычных фактараў, якія даюць магчымасць вызначыць дынаміку працэсаў анімізацыі. Комплексна-аспектнае вывучэнне ўласных імёнаў будзе спрыяць больш глыбокай характарыстыцы маўленчай дзейнасці.

В. А. Капытка

J. Demek, B. A. Plotnikov, V. M. Jasuchno. *Rusko-český a česko-ruský slovník obecných geografických termínů*.—Brno: Un-ta I. E. Purkyně.—1985.—268 S.

Научно-техническая терминология славянских языков, несмотря на их генетическое родство, весьма сильно различается. Более того — именно кажущаяся близость порождает массу случаев, требующих специального лингвистического комментирования и внимательного лексикографического описания. Это особенно относится к чешской и русской

географической терминологии, где весьма прихотливо перекрещиваются национальные и интернациональные элементы. Вот почему первый опыт «Русско-чешского и чешско-русского словаря общегеографических терминов» (ниже — Словарь), являющегося плодом сотрудничества чешских и советских авторов (двух географов и лингвиста), следует всячески приветствовать.

Практическая ценность Словаря несомненна: впервые он дает достаточно большой минимум (4 тысячи терминов) лексики, обозначающей основные понятия физической, экономической и социальной географии; специальные геоморфологические, геологические, метеорологические, гидрологические и другие термины, а также (спорадически) некоторые географические названия. При отборе материала авторы ориентировались прежде всего на терминологию, более или менее общепринятую и употребительную в русском языке. Это и понятно: в силу экстралингвистических причин географическая терминология русского языка чрезвычайно детализирована, включает массу специальных обозначений и народных номенклатур, что делает даже отбор терминов сложной проблемой.

Можно сразу сказать, что эта проблема, как и многие другие, вставшие на пути «перепроходцев» русско-чешской географической терминологии, решена успешно. Вполне оправдал себя союз специалистов-географов с лингвистом, обеспечившим точную языковую обработку и подачу терминологического материала. В частности, весьма удачно применен в Словаре способ калькирования таких русских географических терминов, которые не имеют в чешском языке точных соответствий. История чешского и русского литературных языков показывает, что такой путь ведет к обогащению терминологического фонда и вполне соответствует закономерностям языковой системы. Лексическая концентрированность словаря не помешала, тем не менее, дать в нем и сведения иного системного ранга. Последовательно, например, русские и чешские термины здесь снабжаются грамматическими пометами — прежде всего рода и числа, что весьма важно из-за опасности отождествления идентичных лексем. Ср. рус. *баланс* и чеш. *bilance* ж. или чеш. *sondáž* ж. и русское *зондаж*. Лишь в очень редких случаях эти пометы неверны — напр., чеш. *slunce* дано с пометой f. (с. 220), хотя оно, как и в русском языке, — среднего рода.

В Словаре корректно и лексикографично исполнена главная цель любого двуязычного терминологического словаря — эквивалентизация описываемой лексики. Нельзя не отметить и экономную подачу терминологических словосочетаний: стержневое слово (обычно существительное) подается во главе словарной статьи, а его производные приводятся лишь в виде «расширителей», обычно прилагательных, уточняющих существительное. Так, после слова *облака* даются лишь прилагательные *грозовые*,

дождевые, конвективные, кучеобразные, кучево-дождевые, ледяные, низкие, пас-
сатные кучевые, перламутровые и т. д. (183—184), что значительно экономит место. Правда, есть и отступления от этого принципа — см. статью *метод*, где стержневое слово повторяется: *генетический метод*, *картографический метод*, *морфометрический метод* и т. д. (с. 177—178).

Очень важно, что при такой системе подачи составители постоянно учитывают возможности ложного отождествления русского и чешского стержневого термина в словосочетаниях. Так, ими разграничиваются случаи *halda* — *террикон* и *halda úpatní* — *делювиальный шлейф* или *hladina moře* — *уровень моря* и *hladina podzemních vod* — *зеркало грунтовых вод* (с. 152), несмотря на вполне понятный «искус» буквального эквивалентирования. Можно отметить и целый ряд других удачных решений — внимание к исконно русским и исконно чешским терминам (особенно народным) при эквивалентировании, точность графической передачи чешских слов, учет не только интересов специалистов-географов, но и потребностей практики школьного и вузовского преподавания и изучения русского языка в Чехословакии.

Не лишен рецензируемый труд и отдельных недочетов. Проблема многозначности общелитературных слов, являющихся общегеографическими терминами, авторами решена однозначно. Так, слово *hraniče* «граница» фигурирует лишь в этом значении, хотя в чешском языке оно может восприниматься и как «костер» (с. 20). Некоторый семантико-узуальный «перепад» можно отметить для эквивалентов: в русском языке — строго специальный термин, в чешском языке — более общий: *urez vody* — *hladina vody* (с. 116). При этом не всегда соблюдена «перекличка» чешско-русской и русско-чешской терминологических частей — термин *hladina vody*, например, отсутствует в гнезде *hladina* (с. 152). Включены в словарь и отдельные общенаучные, не специально географические термины типа *алгоритм*, *информационные потоки*, *теснота связей*, *экстремальные значения* и под. Есть и некоторые опечатки в чешском тексте. Понятно, однако, что все это — обычные мелкие «издержки» лексикографического производства, нерелевантные на фоне общей его качественности.

В советской науке давно уже географическая терминология исследуется и лексикографически описывается совместными усилиями географов и лингвистов. Монументальный «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева (М., 1984) синтезировал плоды этих усилий. И в рецензируемом словаре народная терминология нашла отражение — ср. *блюдца*, *гольцы* и под. Этот материал — резерв для второго издания словаря чехословацких и советских специалистов. В необходимости и оправданности расширенного переиздания этого словаря сомневаться не приходится.

В. М. Мокиенко

Български норми на словесни асоциации / Под общата редакция на ст. н. с. Енчо Герганов. — София: Наука и изкуство, 1984. — 272 с.

Словарь ассоциативных норм во многом восполнил пробел, существовавший в болгарской лексикографии до сих пор. Издание представляет собой труд целого коллектива авторов, собравшего и обработавшего более 200 тыс. лексических ассоциаций. Словарь состоит из двух частей.

В первой части в сжатой форме излагается история исследования ассоциативных процессов со времен Аристотеля до наших дней, описана идея изучения лексики методом свободного ассоциативного эксперимента. Далее перечислены и коротко охарактеризованы имеющиеся словари ассоциативных норм различных языков, начиная со словаря Г. Кент и А. Розанова (1910) и включая словарь белорусских норм А. И. Титовой (1981).

Несомненный интерес представляет описание методики проведения эксперимента, изложение некоторых общих результатов исследования (с. 18—34). В качестве исходного материала испытуемым был предложен список из 200 слов-стимулов, сто из которых являлись переводами на болгарский язык соответствующих слов из списка Г. Кент — А. Розанова. Часть второй сотни стимулов соответствовала словам-стимулам, включенным в словарь ассоциативных норм русского языка, остальные же, как отмечено в описании методики проведения эксперимента Э. Гергановым, «интересны для социолингвистических и психолингвистических исследований болгарского языка».

В эксперименте участвовали 1000 носителей болгарского языка в возрасте от 16 до 70 лет (550 женщин и 450 мужчин), в их составе преобладали студенты и учащиеся старших классов, но были и рабочие, военнослужащие, крестьяне, служащие, медресисты и др. Как и во всех подобных экспериментах, проводившихся ранее на материале других языков, перед испытуемыми ставилась задача: записать первое пришедшее в голову слово в связи с предложенным стимулом. Данные всех 10 выборок (по 100 человек в каждой) суммировались.

Особое внимание было уделено основным видам ассоциативных связей между стимулами и реакциями, выявленными в ходе обработки данных эксперимента. Предлагаемая классификация ассоциаций, основанная на известных систематизациях (В. Вундт, Д. Диз, Дж. Миллер, А. П. Клименко), учитывает специфические черты болгарской грамматики и семантические особенности лексики болгарского языка. Как справедливо замечает автор теоретической части словаря Э. Герганов, данная классификация грамматических связей стимулов и реакций (с. 39—41) является открытой системой, в которую возможны добавления и изменения.

Для подтверждения надежности полученных результатов пять произвольно